

МАРГАРИТА ДЗЮИНА

ТВОЙ ГОЛОС
СРЕДИ ШУМА

18+

Маргарита Дзюина
Твой голос среди шума
Серия «Предел», книга 2

<https://litres.ru/73832194>

SelfPub; 2026

Аннотация

Она — женщина, которую невозможно сломать.

Он — мужчина, которого невозможно остановить.

Крессида Коннелл привыкла держать удар. Бар, который она отстояла, — её территория, её правила, её война. Она не просит помощи и не доверяет мужчинам, особенно таким, как он.

Рафаэль Рид приходит в её жизнь как угроза.

Чужой. Опасный. Слишком внимательный.

Он должен был стать её ошибкой.

Слабостью.

Концом.

Но вместо этого становится тем, кто видит её настоящую — без масок и защиты.

Между ними нет места доверию.

Только напряжение, борьба и притяжение, от которого невозможно отступить.

Когда прошлое дышит в спину, а рядом стоит человек, способный разрушить всё,

остаётся один вопрос:

что сильнее — страх или желание рискнуть?

Содержание

Глава 1. Крессида	5
Глава 2. Рафаэль	31
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Маргарита Дзюина

Твой голос среди шума

Глава 1. Крессида

Меня учили стрелять раньше, чем любить. И это спасало чаще, чем люди.

Я думала, что хуже Парижа со мной уже ничего не случится.

Но я ошибалась.

Мне рассказывали про великие истории любви.

Про Тристана. Про Изольду.

Я запомнила только одно: там всегда кто-то умирает.

Я и любовь — вещи из разных миров. Я не верю в неё. Жизнь слишком хорошо объяснила почему.

С детства я жила в опасной среде. Мой дед — единственный, кто пытался меня защитить.

Не спасти. Не изменить мою жизнь. Просто — держаться вместе, чтобы я не сломалась раньше времени.

Сложно жить, когда ты — наёмник номер один, а за спиной у тебя не только прошлое, но и маленькая девочка, которая смотрит на тебя так, будто ты — её единственный мир. С таким «прицепом» не улетают в Барселону на спа-выходные. С таким — учатся оставаться. Учатся доверять.

А когда ты ещё и сбежал из ирландской семьи, где за ошибки платят не словами, — жизнь перестаёт быть игрой. Она становится долгом. И счёт по нему всегда приходит вовремя.

Ты можешь сколько угодно притворяться свободным. Но правда в том, что свобода заканчивается там, где начинается ответственность.

И знаете, что самое паршивое? Я бы не выбрала иначе.

Но дед справился. Мы справились.

Я люблю его больше жизни. И скучаю так, что по утрам ноют колени. Реально. Колени. Как будто тело помнит, что он больше не рядом.

Мы жили на чемоданах. Новый заказ — и мы уже в самолёте.

Я запоминала не города. Я запоминала выходы.

Только однажды мы задержались. В Париже.

И этого оказалось достаточно.

В этом городе мне выдали свой первый билет в ад. Меня изнасиловали.

Просто. Быстро. Без романтики. Так себе опыт, знаете ли. Хотела бы я сказать, что забыла — но нет. Не забыла. Это сидит во мне, как гвоздь, который не вытаскивают, а просто красят сверху. Он уже ржавый и всех бесит, но остаётся внутри.

Но жизнь — это опыт. И никто не спрашивает, хочу ли я его.

Живи. Терпи. Выживай.

Когда мне было шестнадцать, гинеколог расписалась на моём приговоре: бесплодие.

Тогда это было просто слово. Что-то из взрослого мира, которое меня не касается.

Сейчас — это удар.

Как если бы кто-то спокойно сказал:

— У тебя не будет этого мира.

Ни запаха младенца. Ни «мам».

И самое мерзкое — ты начинаешь сомневаться не в диагнозе, а в себе.

Может, я сама виновата.

Но правда в том, что в шестнадцать никто не должен платить за чужую жестокость такими последствиями.

И если моё тело однажды решило не пускать в себя жизнь — значит, когда-то ему было слишком больно, чтобы верить, что внутри может быть безопасно.

Пусть тот ублюдок давно гниёт в земле. Пусть то видео удалили, как будто его никогда не было. Пусть я прожила это. Отпустила.

Простила?

Нет.

Приняла?

Наверное.

Но иногда... я хотела ребёнка.

Не из-за возраста. Не из-за чужих ожиданий.

Просто потому что во мне было что-то, что хотелось передать дальше.

Не вещи. Не фамилию.

То тепло, которое однажды держало меня на плаву.

Я не мечтала о колясках и открытках.

Я просто хотела, чтобы это не закончилось на мне.

Жизнь посмотрела на меня и сказала: «А тебе — нет. Без бонусов. Без награды. Только шрамы.»

Да, у меня появилась семья. Соло, Каспер, Габриель, Ванесса, Мегги, Люси, Джоно и Франка. Сергей со всей русской братвой. Но знаете, я честно хотела чего-то своего. Видимо стадный режим включался по полной.

Я сижу в своём кабинете.

Точнее — в его.

Просто теперь здесь сижу я.

Его стол. Его кресло. Его привычка ставить всё симметрично, даже когда в жизни вокруг был полный бардак.

На мне его очки.

Они мне велики. Всегда были. Я надеваю их не чтобы видеть.

Чтобы смотреть, как он.

С прищуром. С недоверием. С готовностью стрелять первым, если потребуется.

На столе — фотографии.

Я. Маленькая. С ободранными коленками.

Я и дед — в каком-то дурацком кафе, где он учил меня

держат нож так, будто это продолжение руки.

Я, Соло и остальные — уже позже, когда мы решили, что если не можем быть нормальными, то будем хотя бы честными друг с другом.

Фотографии не смотрят. Они ждут, когда ты перестанешь врать себе.

Мысли роятся, как осы. Я могла бы разложить их по полочкам — я умею. Но сегодня не хочу. Сегодня я думаю об одном.

Ремонт бара.

Бар устал.

И я устала.

В Лондоне слухи ходят быстро.

Особенно когда фамилия Коннел снова начинает звучать громче обычного.

Ремонт — это всегда сигнал.

Особенно для тех, кто давно ждёт, когда ты ослабнешь.

Они думают, что это просто стены. Новая вывеска. Пыль и рабочие в касках.

Но иногда Ирландия не за морем. Она — прямо под кожей.

И те, кто знает, — понимают, что я не ослабеваю. Я возвращаюсь.

Прошрое не отстаёт. Оно идёт следом.

Так же шло за моим дедом.

Мы уходили первыми. Всегда.

Но я понимала: рано или поздно оно догонит.

И тогда останется только одно — не опустить взгляд.

Я провожу пальцем по краю стола. Здесь тоже есть след

— маленькая вмятина.

Дед говорил: «Оставь. Это память».

Я оставила.

Стук в голове — не дверь, а телефон.

Экран загорается.

Сергей.

Я выдыхаю и беру трубку.

— Привет, Крессида, — его голос спокойный, плотный.

— Не отвлекаю?

— Ты звонишь, когда нужно, — отвечаю я. — Значит, нет.

Короткая пауза.

— Слышал, ты решила обновить бар.

Я усмехаюсь.

— В Лондоне слухи быстрее такси. Да. Пора.

— Правильно, — говорит он. — Место хорошее. Его надо беречь.

Пауза.

— Мастер нужен? Надёжный.

Я на секунду думаю.

О тишине. О руках, которые чувствуют дерево. О людях, которые не лезут туда, где им не место.

— Нужен, — говорю я. — Других я не беру.

Он чуть выдыхает, будто это и хотел услышать.

— Я дам контакты. Михаил хвалил одного парнишку.
В трубке щёлкает зажигалка.

Сухо. Металлически.

Тот самый звук Zippo, который невозможно перепутать:
крышка, короткий удар кремня, тихое вспыхнувшее шипение огня.

Потом — глубокая затяжка.

Тишина.

И только после этого он медленно выдыхает дым, будто вместе с ним выпускает что-то изнутри.

Я знаю это его молчание. Значит, затянулся слишком глубоко. И сейчас выдыхает не только никотин.

— Ты знаешь, я помогу.

Я молчу секунду дольше, чем нужно.

Смотрю в окно, на отражение, которое смотрит на меня в ответ.

— Знаю, — говорю я. — Спасибо.

Мы прощаемся без лишних слов.

Так говорят люди, которые уже всё поняли.

Я ещё пару секунд держу телефон в руке.

Он не угрожает.

Но и не забывает.

Иногда память возвращается не образами — запахом.

Дешёвый виски. Сырость. Холод бетона, который поднимается по ногам, даже если ты стоишь.

Мне было шестнадцать.

Я тогда ещё верила, что, если говорить чётко и прямо — взрослые услышат.

Он стоял у стойки, которую я отмывала ночами.

Его знали. И делали вид, что не смотрят.

Сергей.

Ему было тридцать два.

Улыбка человека, который не просит — он просто берёт.

— Бар хороший, — сказал он.

Не как комплимент. Как приговор.

Я кивнула. Горло пересохло.

Он говорил спокойно.

Про крышу. Про аренду. Про то, что одна я долго не проживу.

Каждое слово на шаг ближе ко мне.

— Нет, бар не продается — сказала я.

Тихо. Чётко.

Он засмеялся.

Не громко.

Так смеются взрослые над детьми, которые ещё не понимают правил игры.

— Тебе сколько?

— Шестнадцать.

Он посмотрел дольше, чем нужно.

И я впервые поняла: возраст — это не цифра. Это инструмент.

— Ты красивая, — сказал он. — И глупая.

После этого разговор закончился.

Не сразу. Но навсегда.

Год.

Он ломал меня медленно.

Без крика. Без шума.

Сначала сгорела машина.

Старая. Но моя.

Я стояла и смотрела, как огонь ест металл, и думала не о страхе — о том, сколько смен мне понадобится, чтобы купить новую.

Потом квартира.

Не вся.

Только чтобы я поняла.

Я не пошла в полицию.

Я уже тогда знала: для некоторых людей закон — просто рекомендация.

Я не сдалась.

И не исчезла.

Он пришёл снова.

Без свиты. Без демонстрации силы.

Просто вошёл — как человек, которому откроют.

Мы сидели, напротив друг друга.

Он — взрослый мужик. Я — девочка, у которой уже не было права быть слабой.

— Бар не продаётся, — сказала я.

Голос не дрожал.

Он смотрел внимательно.

Не как на добычу. Как на задачу.

— Ты понимаешь, с кем разговариваешь?

— Понимаю. Поэтому и говорю прямо.

Пауза.

Тяжёлая. Та, в которой обычно ломаются.

— Ты не выиграешь, — сказал он.

— Я и не играю. Это мой дом.

Он ушёл.

Потому что понял: сломать меня будет слишком дорого.

Бар остался.

Я — тоже.

Иногда победа — это не когда ты сильнее.

Иногда победа — это просто остаться.

По итогу он уступил.

Хотя, если честно, шансов у него и не было.

Я бы умерла здесь.

Прямо между стойкой и кухней.

Но я бы ничего не продала.

Бар — это не бизнес.

Бар — это я.

И дед.

Я помню, как дед говорил:

— Если ты смотришь человеку в глаза и не врёшь — он вернётся.

И они возвращались.

Я нанимала людей не по резюме.

По взгляду.

По тому, как они держат кружку.

Как разговаривают с гостем.

Как убирают за собой.

У меня нет текучки.

Здесь никто не «пересиживает».

Здесь работают годами.

И никто не увольняется.

Потому что это не место, где тебя используют.

Это место, где ты нужен.

Сергей понял это не сразу.

Но понял.

Он смотрел на бар как на актив.

А я — как на продолжение себя.

А такие вещи не продают.

Ими живут.

И если за это нужно было заплатить жизнью — я была готова.

Потому что есть вещи, которые нельзя отжать.

Даже если ты лидер русской братвы в Лондоне.

Я часто думала, что такое любовь.

Я не верю в нее.

Но я верю в места, которые спасают.

В людей, которые чинят, а не ломают.

В решения, принятые вовремя.

И если уж начинать что-то новое — то с ремонта.

Даже если не знаешь, что именно внутри этого старого дерева просыпается вместе с тобой.

Телефон звонит снова.

Я невольно улыбаюсь.

Знаю этот звонок. Когда Сергей перезванивает — значит, что-то забыл. Или сделал вид, что забыл.

— Ты что-то забыл? — спрашиваю я.

— Да, — усмехается он в трубке. — Старость не в радость, милая моя.

Пауза.

— У нас еще семейный ужин у Михаила. Приезжай. Буду рад тебя видеть.

Я на секунду прикрываю глаза.

Михаил Соколов.

Правая рука Сергея.

Опасный русский. Из тех, про кого говорят шёпотом и никогда — в прошедшем времени.

Человек, который сначала смотрит, потом решает, а уже потом — действует. Медленно. Неотвратно.

И при этом... в душе — добряк.

Ну, по крайней мере, я так его для себя окрестила.

— Когда? — спрашиваю я.

— Сегодня, — отвечает Сергей. — Без пафоса. По-домашнему.

Я смотрю на фотографии на столе. На деда. На себя. На

всех, кто был и остался.

— Хорошо, — говорю я. — Я приеду.

— Отлично, — его голос теплеет. — Михаил будет рад. Он тебя уважает.

Я улыбаюсь чуть шире.

— Передай ему, что я это ценю.

Мы прощаемся.

Я кладу телефон и некоторое время просто сижу, не двигаясь. Потом встаю, снимаю дедовские очки и аккуратно кладу их на стол.

Ужин у Михаила — это не просто еда.

Это разговоры, в которых проверяют не слова, а интонации.

Это взгляды, в которых взвешивают, а не оценивают.

Это мир, где тебе либо доверяют, либо — больше никогда не зовут.

Я надеваю куртку и смотрю на своё отражение.

Иногда опасные люди — самые надёжные.

А иногда — единственные, кто действительно понимает, что значит беречь своё.

Я спускаюсь в бар.

Шелдон уже ждёт меня у стойки — с папкой, планшетом и этим своим видом человека, который одновременно знает больше всех и делает вид, что ему всё равно.

— Ну? — спрашиваю я.

— Цифры хорошие, — говорит он сразу, без вступлений.

— Очень хорошие, если честно.

Он листает отчёт.

— Выручка перекрывает траты. Ремонт мы тянем. Запас есть. Я всё проверил дважды.

Я киваю. Выдыхаю чуть глубже.

— Молодец, — говорю я. — Спасибо.

Он пожимает плечами, будто ничего особенного не сделал.

Шелдон у нас вообще человек-оркестр.

Бармен.

Бухгалтер.

Иногда — психолог для пьяных исповедей и трезвых паник.

Когда-то его отчислили из универа.

За голый пробег по кампусу.

Да-да. Именно так. Без метафор.

Он рассказывал это с таким спокойным лицом, будто речь шла о передаче зачёта. Тогда ему казалось, что это акт протеста. Сейчас — просто хорошая история для вечеринок.

Но кто вообще помнит прошлое, да?

Я смотрю на него и понимаю: вот он — мой бар. Не стены. Не стойка. Не алкоголь за бешеные деньги. А люди, которые остались, даже когда могли уйти.

— Если что-то пойдёт не так — скажи сразу, — говорю я.

— Всегда говорю, — отвечает он. — Ты же знаешь.

Знаю.

Я закрываю папку, стучу ею по стойке и уже собираюсь уходить, когда он добавляет:

— И, Кресси...

Пауза.

— Ты всё правильно делаешь.

Я смотрю на него секунду дольше, чем нужно.

— Я знаю, — отвечаю я. — Но приятно услышать это от кого-то кроме себя.

Я разворачиваюсь и иду к выходу.

У меня ужин.

Опасные русские.

И ощущение, что жизнь снова начинает шевелиться.

А это, как ни странно, хороший знак.

Забегаю на кухню.

Ребята уже там. Моют её, как перед экзаменом. Нержавейка блестит, ножи разложены, заготовки идут одна за другой — быстро, чётко, без суеты. Запах лука, специй и горячей воды смешивается в что-то очень живое.

Сегодня будет много народу.

Я это чувствую кожей.

— Вечером завал, — говорю я вслух, больше для фиксации, чем как приказ.

— Мы готовы, — отзывается кто-то из поваров, не оборачиваясь.

Соло утром сказал, что прилетает китайская делегация. Какой-то саммит, какие-то важные лица, какие-то догово-

рённости, которые решаются не в залах с флагами, а за столом, под шум и еду.

Мы подготовились.

Кто-то специально съездил за китайскими приправами и соусами. Настоящими, не туристическими. Я проверяю банки, нюхаю, пробую на кончике пальца.

— Норм, — киваю. — Пойдёт.

Да, мой бар — не звезда Мишлена.

Здесь не украшают тарелки пинцетом и не делают вид, что порция — это философия.

Здесь кормят так, чтобы человек хотел остаться. Чтобы он расслабился. Чтобы разговор пошёл сам, без давления и лишних слов.

Я смотрю, как ребята работают, и внутри появляется то редкое чувство правильности. Когда всё на своих местах. Когда никто не герой, но каждый — нужен.

— Если что — кричите, — говорю я, уже на выходе. — Я рядом.

Я выхожу с кухни и ловлю своё отражение в стекле холодильника.

Да, здесь нет звёзд.

Зато здесь есть жизнь.

А иногда это важнее любой награды.

Я сижу в машине и не завожу двигатель.

Просто держу руль и смотрю в лобовое, как будто там есть ответ.

Телефон загорается.

Соло.

— Ты как? — спрашивает он без вступлений.

— На месте. Жива. Пока не буюню, — отвечаю я.

Он хмыкает.

Я знаю этот звук. Значит, уже волнуется, но делает вид, что нет.

— Что нового?

— Да ничего. День как день. Бар дышит, люди на местах, мир не рухнул.

— Слушай... — он делает паузу. — Мы сегодня собираемся. Семейный ужин. Приезжай.

Я откидываюсь в сиденье и улыбаюсь.

— Не выйдет, — говорю я легко.

— Почему?

— У меня сегодня сначала русские, — отвечаю я. — Я, знаешь ли, дама не из высшего света.

Он смеётся.

— Ты издеваешься.

— Немного. У меня сегодня братва, милый.

Пауза.

Такая, в которой он всё понимает, но всё равно проверяет.

— Опасная братва?

— Старая, верная и очень голодная, — отвечаю я. — Я нужна им трезвая и живая.

Он вздыхает, но без давления.

Это и есть семья — когда тебя не тянут, а держат рядом, даже если ты не пришла.

— Ладно, — говорит он. — В другой раз.

— В другой, — киваю я, хотя он этого не видит. — Передавай всем привет.

— Береги себя, дикарка.

— Я всегда так делаю, Соло. Просто по-своему.

Я сбрасываю звонок, наконец завожу двигатель и выезжаю.

Иногда выбор — это не между людьми.

А между тем, где ты сегодня нужнее.

И сегодня — я нужна здесь.

Я еду в русскую резиденцию.

И каждый раз ловлю себя на одной и той же мысли.

Господи, Сергей любит минимализм.

Холодный. Чёткий.

Стекло, бетон, линии.

Ничего лишнего — как у человека, который и так знает, кто он.

А Михаил...

Михаил — это музей.

Золото везде.

Тяжёлые люстры.

Странная мебель, которую будто собирали по принципу «чем дороже — тем лучше».

Каждый предмет кричит: смотри, сколько у меня денег.

Смотри, как я могу.

Смотри, кто здесь главный.

А это просто шум.

В этом доме всё демонстративно.

Как витрина.

Как выставка достижений народного хозяйства имени одного человека.

И самое смешное — им не нужно, чтобы ты завидовал.

Им нужно, чтобы ты понял: они могут себе это позволить.

А я могу позволить себе ничего не доказывать.

Меня останавливает охрана.

Формально. Для вида.

— Свои, — говорит один из них, уже узнав.

Русский акцент. Родной. Тот самый, из которого никуда не деться.

Я киваю, опускаю стекло.

— Привет, ребят.

— Здорово, Кресси.

Они улыбаются. Не угодливо, а просто нормально.

Как люди, которые знают: я здесь не гость и не трофей.

Шлагбаум поднимается.

Я выхожу из машины, и почти сразу из дома выходит Сергей.

Без пафоса.

Без суеты.

Как всегда — собранный, спокойный.

Он подходит первым.

Крепко обнимает. По-настоящему.

Так обнимают не женщин, а своих.

Целует в обе щёки.

— Рад тебя видеть, — говорит он просто.

— Я тоже, — отвечаю я.

И это правда.

За ним появляется Михаил.

Чуть медленнее.

Чуть шире шаг.

Золото у него, кажется, даже в голосе.

— Ну здравствуй, — улыбается он. — Наша железная ле-
ди.

Я поворачиваюсь к нему.

— Привет, Миш. Музей обновил или всё то же наследие?

— Искусство не стареет, — смеётся он.

— Спорное утверждение, — пожимаю плечами я.

Сергей усмехается.

Он всегда всё понимает без слов.

— Пойдём, — говорит он. — Все уже собрались.

Мы идём внутрь.

Я — между ними.

И в этот момент ясно одно:

Я здесь не потому, что меня пустили.

А потому что без меня этот стол — неполный.

Михаил берёт меня под локоть — показательно, как экс-

курсовод.

Ведёт вглубь дома, туда, где уже собрались все.

— Познакомьтесь, — говорит он громко, с улыбкой хозяйина. — Наша Крессида.

Кивки.

Взгляды.

Кто-то улыбается искренне, кто-то — оценивающе.

Я это умею читать.

— Кстати, — продолжает Михаил, словно между делом, — сегодня вечером ещё приедет реставратор.

— А что ты хочешь реставрировать, Михаил? — спрашиваю я, оглядываясь по залу.

Он не отвечает сразу.

Берёт паузу — показательно.

Потом кивает в сторону стола у окна.

— Тот стол. Старый.

Я вспоминаю.

Массивный. Тяжёлый.

На нём следы времени, которые не скрыли даже полировки.

— Тот, на который ты проливал кофе и водку? — уточняю я спокойно.

Михаил усмехается.

Не оправдывается.

Не отрицает.

— Да, дорогая, — говорит он. — Я причинял ему боль.

Я приподнимаю бровь.

— Станный способ привязанности.

— Самый честный, — отвечает он. — Всё, что важно, рано или поздно получает царапины.

Я киваю.

У меня загорается лампочка.

Та самая, внутренняя.

— О? — тяну я. — Он хороший? Тот реставратор.

Кто-то из ребят смеётся.

Сергей бросает на меня короткий взгляд — знает, что мне правда интересно.

— Говорят, да, — отвечает Михаил. — Посмотрим.

Я киваю, медленно, с паузой.

— Ну, — говорю я спокойно, — я беру только лучших.

Михаил улыбается шире.

Ему нравится этот ответ.

Потому что он слышит в нём не каприз — а правило.

— Это я уже понял, — говорит он.

Я прохожу дальше, к столу, и ловлю себя на мысли, что в этом доме умеют реставрировать что угодно — картины, мебель, репутацию. Только фальшь всё равно видно сразу.

Сергей усмехается и говорит будто между делом, но я слышу подтекст.

— Тебе он тоже нужен, — кивает он в мою сторону. — Посмотришь на него. Может, приглянется тебе.

Я поворачиваюсь к нему медленно.

Очень медленно.

— Сергей, — говорю я спокойно, — ты сейчас про мебель или про человека?

Кто-то за столом хмыкает.

Михаил смеётся первым — громко, с удовольствием.

— Про профессионала, — отвечает Сергей ровно. — А там уж как ты решишь.

Я пожимаю плечами.

— Я всегда решаю сама, — говорю я. — И, если он правда хороший, я это увижу.

— А если нет? — спрашивает Михаил.

— Тогда он долго у вас не задержится, — отвечаю я.

Сергей кивает.

Без улыбки.

Он знает — это не угроза, это факт.

— Вот за это я тебя и уважаю, — говорит он. — Ты смотришь не глазами.

— А чем? — кто-то спрашивает.

— Характером, — отвечает Сергей за меня.

Я опускаюсь в кресло и думаю, что реставратору сегодня не повезло.

Потому что в доме, где всё покрыто золотом, я буду смотреть не на блеск, а на трещины.

И если он умеет работать с настоящей ценностью — я это почувствую сразу. Дверь открывается без стука.

Я поднимаю голову — и на секунду замираю.

А потом срываюсь.

— Вы как тут?!

Сергей стоит чуть в стороне и улыбается.

За ним — Соло. Габи. Каспер.

Я не думаю.

Я просто бегу.

— КАСПЕР!

Прыгаю на него, как раньше. Как будто мне снова десять и мир ещё не успел стать сложным.

Он ловит меня легко.

— Осторожно, — смеётся он. — Ты вообще-то выросла.

— Врёшь, — говорю я, уткнувшись ему в шею. — Это ты просто слабак.

Соло качает головой, но улыбается.

Габи стоит чуть в стороне. Смотрит. Потом всё-таки делает шаг ближе.

— Живая, — говорит он.

— Пока да, — отвечаю я. — Проверяли?

Сергей наблюдает за этим, как будто всё так и должно быть.

— Я решил их позвать, — говорит он спокойно. — Не благодари.

Я смотрю на него и понимаю — это не жест.

Это решение.

Я подхожу ближе.

— Ты знаешь, что ты опасный человек? — говорю я. —

И я тебя за это люблю.

Он усмехается.

— Знаю.

И в этот момент я улыбаюсь.

Потому что иногда счастье выглядит именно так — ты просто видишь своих.

Соло ловит мой взгляд и кивает в сторону.

Я понимаю сразу.

Мы выходим.

На свежий воздух. Где намного тише. Спокойнее.

Он не спешит говорить.

Всегда так.

Сначала даёт пространство.

— Как ты? — спрашивает он наконец. Тихо. Без лишнего.

— В порядке, — отвечаю я.

Он смотрит внимательно.

— Ты так говоришь, когда нет.

Я усмехаюсь.

— Я всегда так говорю.

Пауза.

— Я чувствую, — говорит он. — Ты как будто одна. Даже когда не одна.

Я пожимаю плечами.

— Это не новость, Соло.

Он не спорит.

— Я не буду лезть, — говорит он спокойно. — Не буду

задавать вопросы.

Пауза.

— Но, если станет тяжело — скажи.

Я смотрю на него чуть дольше.

— Думаешь, скажу?

Он усмехается.

— Думаю, нет. Поэтому говорю сейчас.

Я тихо смеюсь.

— Ты не меняешься.

— Нет, — качает он головой. — Я просто рядом.

Он подходит ближе и обнимает меня.

Без слов.

И в этом вся суть.

Не «я решу». Не «я спасу».

Просто — я здесь.

И этого хватает.

Глава 2. Рафаэль

Музыка включается сама.

Умная колонка не спрашивает, готов ли я к утру. Она просто делает свою работу.

Far Away — Nickelback.

Я резко вдыхаю воздух — будто вынырнул из-под воды. Простыни мокрые, футболка липнет к спине. Сердце колотится так, словно кто-то гнал меня по тёмному коридору и вот-вот догонит.

Сон всё ещё держит за горло.

Опять интернат. Опять закрытые двери. Опять этот запах — смесь хлорки, старого металла и страха.

Я лежу, смотрю в потолок и считаю вдохи. Раз. Два. Три. Так учила терапевт. *Ты здесь. Ты взрослый. Ты в безопасности.*

Смешно.

Безопасность — это слово, которое я знаю теоретически. Как термин из учебника, который никогда не применялся на практике.

Музыка тянется фоном, глухо и болезненно. Я не выключаю. Пусть играет. Пусть напоминает: мир живёт, даже если внутри всё снова развалилось.

Я поднимаюсь медленно, будто тело старше меня лет на двадцать. Ноги касаются холодного пола — и это почему-то

помогает. Реальность всегда холодная. Она не обманывает.

В ванной я смотрю на себя в зеркало. Знакомое лицо. Спокойное. Собранное. Такое, которому доверяют.

Рафаэль Рид. Тот самый. Надёжный. Уравновешенный. Удобный.

Мир крутится вокруг меня — так говорят. Работа, люди, договорённости, просьбы. Всё сходится ко мне, как к точке опоры. Я умею держать. Умею слушать. Умею быть правильным.

Никто не видит, что внутри эта точка давно треснула.

Вода из душа горячая, почти обжигающая. Я стою под струями, закрыв глаза, и на секунду мне кажется, что, если простоять так чуть дольше — можно смыть прошлое. Как грязь. Как кровь.

Но прошлое не смывается.

Оно вшито.

Интернат не закончился.

Он просто остался во мне.

Я хожу на терапию. Регулярно. По расписанию. Как взрослый, осознанный человек. Я умею называть вещи своими именами: *травма, подавленные эмоции, ночные кошмары*.

Знаю всё. И всё равно каждое утро начинается одинаково.

Мы об этом не говорим. И не будем. Есть вещи, которые нельзя перекладывать на плечи другого. Особенно если этот другой — твой старший брат. Тот, кто и так нёс слишком много.

Иногда я смотрю на Феликса и думаю: в какой момент сила стала для него единственным языком.

Я не хочу быть таким.

Не хочу, чтобы люди молчали рядом со мной не из уважения, а из страха. Не хочу просыпаться однажды и понять, что вокруг остались только те, кто боится уйти.

Эта мысль сидит во мне с детства, как заноза. Иногда я забываю о ней. Иногда она пульсирует так, что невозможно дышать.

Я выхожу из ванной, одеваюсь автоматически. Кофе. Чёрный. Без сахара. Привычка, а не выбор. Музыка всё ещё играет, и строчка *"I'm feeling far away..."* (*Я чувствую себя далеко отсюда*) звучит почти издевательски.

Я действительно далеко. От сна без кошмаров. От простоты. От себя настоящего.

Телефон загорается уведомлениями. Работа уже здесь. Люди ждут. Мир не остановился, пока я воевал с призраками прошлого.

Я делаю глоток кофе и чувствую, как возвращаюсь в роль. Рафаэль Рид. Тот, вокруг кого всё держится.

Никто не должен знать, что каждое утро я собираю себя по частям. Что быть сильным— это маска.

Я выдыхаю. И выхожу навстречу миру, который думает, что я главный.

А я просто научился выглядеть так, будто у меня всё под контролем.

Парковка ещё полупустая. Утро сегодня — серое, влажное, без обещаний.

Моя машина ждёт меня у самого края. Чёрный Aston Martin.

Подарок брата.

Феликс не умеет делать мелкие жесты. У него либо ничего, либо сразу по максимуму. Деньги, влияние, страх — всё в крупных формах. Его бизнес легален ровно настолько, насколько это выгодно. Остальное — тени, договорённости, люди, которые не задают вопросов.

Я не спрашивал, откуда деньги. Он не объяснял.

Мы вообще редко объясняем друг другу что-то важное.

Я провожу ладонью по холодному капоту. Машина красивая до неприличия. Слишком дорогая для человека, который предпочитает тишину. Иногда мне кажется, что она выдаёт меня с головой — как метка: *ты из его мира, хочешь ты этого или нет.*

Феликс выбрал путь силы. Я — путь молчания.

Когда-то, ещё в интернате, мне дали кусок дерева. Сучковатый, кривой, почти мусор. Сказали: *делай что хочешь*. Без инструкций. Без крика. Без ожиданий.

Я помню запах — тёплый, живой. Помню, как дерево поддавалось, если не спешить. Когда можно было ошибиться — и ничего страшного не происходило. Не били. Не орали. Просто... оставляли в покое.

С тех пор я понял: мне важно работать с тем, что молчит.

Дерево не врёт. Оно показывает трещины сразу.

Я выбрал это осознанно. Не назло брату. Не в протест. Просто потому, что мне нужен был мир, где нет шума.

Я стал реставратором.

Сначала — чужие заказы. Чужие дома. Старые комоды, столы, двери, которым сто лет. Я возвращал им форму, не стирая память. Не делал новыми — делал живыми.

Потом появилась контора. Маленькая. Без вывески на полквартила. По рекомендации. По тихим звонкам. *«Говорят, вы умеете работать аккуратно».* *«Мне важно, чтобы вещь осталась собой».*

Я умел.

Каждый заказ — как разговор без слов. Ты снимаешь слои, шлифуешь, смотришь, где дерево устало, где его насиловали чужими руками. Где оно держится из последних сил.

Иногда я ловлю себя на мысли, что понимаю его слишком хорошо.

Я сажусь за руль. Кожа прохладная, идеальная. Машина заводится мягко, без рывка. Всё в ней — про контроль. Про мощь, спрятанную под тишиной.

Как у Феликса.

Как у меня — только наоборот.

Я не хочу быть центром. Не хочу, чтобы вокруг меня крутились люди, чужие страхи, деньги. Я хочу, чтобы вокруг меня было пространство. Воздух. Возможность дышать.

На светофоре я смотрю на свои руки. Следы старых по-

резов, заусенцы, шрамы, которые не от ножа — от времени. Эти руки делают мебель, а не ломают людей.

Иногда мне кажется, что именно этим я расплачиваюсь за его мир. Он берёт на себя грязь. Я — тишину.

Мы оба выжили. Просто разными способами.

Навигатор молчит, он не успевает за мной. Я знаю дорогу наизусть. Сегодня новый заказ. Старый дом. Реставрация лестницы. Дерево конца XIX века. С характером.

Мне это нравится.

Пока я работаю — интернат отступает. Пока я работаю — кошмары не имеют голоса. Пока я работаю — я не слабый.

Я просто другой.

Навигатор ведёт в старый район. Не тот, что показывают туристам. Настоящий. С домами, которые пережили больше людей, чем готовы вспомнить.

Я паркуюсь у обочины и не выхожу сразу. Глушу двигатель. Слушаю, как машина остывает. Тишина — хороший знак.

Дом старый. Конец девятнадцатого века. Это видно сразу. По фасаду. По окнам. По тому, как он стоит — не просит внимания, но и не извиняется за возраст.

В саду лает собака.

Коротко. Резко. Как сигнал: здесь чужие не ходят.

Хозяин предупредил, что дверь будет открыта.

Без охраны. Без камер на каждом углу.

Богатые редко боятся ограбления.

Обычно они уверены, что у них всё равно никто ничего не заберёт.

Внутри пахнет пылью и деревом. Не свежей стружкой, а усталостью. Лестница начинается почти сразу. Я останавливаюсь перед ней и не трогаю.

Сначала всегда смотрю.

Дерево тёмное. Потёртое. С характером.

Такие лестницы не чинят. С ними разговаривают.

Я делаю шаг на первую ступень. Вес держит. Скрип — негромкий. Предупреждающий.

Я его слышу.

Провожу ладонью по перилам. Под пальцами — следы. Тысячи рук. Чужие жизни. Кто-то бежал вверх. Кто-то спускался медленно, не зная, вернётся ли.

Я присаживаюсь, достаю блокнот. Не измеряю сразу — сначала запоминаю.

Третья ступень — трещина. Старый ремонт. Грубый. Чужой. Лак, которым пытались спрятать возраст. Не вышло.

Я тихо выдыхаю.

— Ничего, — говорю я себе. — Мы договоримся с тобой, не переживай.

Для меня реставрация — не работа. Это ответственность.

Если я ошибусь, лестница не рухнет сразу. Она подождёт. Такие вещи умеют ждать.

Я не боюсь. Я просто не вру дереву.

Я встаю и смотрю вверх. Работы будет много. Медленной.

Точной.

Такой, какую я умею делать.

И какой эта лестница заслуживает.

Хозяин появляется тихо. Я слышу шаги раньше, чем вижу его.

— Вы Рафаэль Рид?

— Да.

Он протягивает руку. Крепко. Без лишнего давления.

— Ник.

Костюм простой. Дорогой, но без показухи. Банкир. Это чувствуется не по одежде — по тому, как он держит паузу и не торопится говорить.

Мы стоим у лестницы. Он смотрит на неё не как на объект. Как на память.

— Это дом моих родителей, — говорит он наконец. — А до них... бабушки и деда.

Я киваю. Такие вещи не комментируют сразу.

— Я здесь вырос, — продолжает Ник. — Знаю каждый скрип. Каждый угол. Улыбается краем губ. — Мама всегда ругалась, что лестница «разговаривает».

Я смотрю на третью ступень. На трещину. На старый лак.

— Она и сейчас разговаривает, — говорю я. — Просто её давно не слушали.

Он внимательно смотрит на меня. Не оценивает. Проверяет.

— Я не хочу, чтобы она была новой, — говорит Ник. —

Это важно.

— Я и не сделаю ее новой, — отвечаю я. — Я верну ее к жизни.

Он выдыхает. Чуть заметно.

— Деньги — не вопрос, — говорит он сразу. — Вопрос в другом.

— В доверии, — заканчиваю я за него.

Он кивает.

— Этот дом — всё, что у меня от них осталось..— Я не хочу его потерять.

Я снова смотрю на лестницу. Провожу рукой по перилам.

— Тогда мы с ней договоримся, — говорю я. — Но быстро не будет.

— Я не спешу, — отвечает Ник. — Я ждал долго. Пару месяцев ничего не решат.

Хороший ответ. Правильный.

— Я составлю план, — говорю я. — И скажу честно, что можно спасти.

— А если нельзя?

— Тогда я тоже скажу честно.

Он улыбается. Уже иначе. Спокойнее.

— Именно это я и хотел услышать.

Мы замолкаем. В таких домах тишина — часть разговора.

Я делаю пометку в блокноте и думаю, что эта работа будет не просто про дерево. Про память. Про уважение.

А с этим я умею работать лучше всего.

Мы прощаемся без лишних слов. Ник пожимает руку крепко, по-деловому.

— Тогда через две недели? — спрашивает он.

— Да, — отвечаю я. — Приезжаю и делаем всё сразу.

Он кивает.

— Сколько времени замёт?

— Два дня, — говорю. — Если погода не подведёт и дом не будет сопротивляться.

Он улыбается. Ему нравится эта формулировка.

— Я буду здесь, — говорит он. — Если что понадобится.

— Понадобится тишина, — отвечаю я. — Остальное — по ходу.

Мы обмениваемся коротким кивком. Так прощаются люди, которые поняли друг друга.

Я выхожу на улицу. Воздух холоднее, чем внутри. Дом остаётся за спиной — тяжёлый, внимательный.

Я иду к машине, не оборачиваясь. Если начать — можно застрять в мыслях. А работа любит ясную голову.

Сажусь, закрываю дверь. Пару секунд просто сижу, держа руки на руле.

Два дня. Хватит, если делать правильно.

Я завожу двигатель и выезжаю, уже зная, что через две недели вернусь сюда не как гость, а как тот, кому дом позволит прикоснуться к себе по-настоящему.

Машина уходит вперёд, разрезая этот день. И где-то глубоко внутри я знаю: мир думает, что я тихий.

Но тишина — это тоже сила.

Телефон оживает, когда я выруливаю на основную дорогу.

Громкая связь включается сама.

— Рафаэль, привет, — голос Керри мягкий, чуть сонный, как всегда по утрам.

Керри — мой администратор. Милая. Умная. С ясным взглядом и привычкой говорить прямо, без лишнего шума. Иногда я ловлю себя на мысли, что мог бы позвать её на свидание. Иногда даже почти решаюсь.

Почти — ключевое слово.

— Слушаю, — отвечаю я.

— Тот мужик со столом в стиле Тюдора звонил, ну тот русский — она листает что-то у себя. — Говорит, ждёт тебя сегодня вечером. Очень ждёт. Прямо подчеркнул.

Я усмехаюсь.

— Он всегда так говорит. Буду.

— И ещё... — короткая пауза. — Звонил твой брат. Искал тебя. Он... нервничает. Опять.

Я смотрю на дорогу. Машины, светофоры, утро. Всё обычное.

— Да, Керри, — спокойно говорю я. — Он всегда нервничает.

Она тихо хмыкает. Мы оба знаем, что это правда. И что за этим стоит куда больше, чем просто плохое настроение.

— И последнее, — в её голосе появляется улыбка, я её слышу даже без картинки. — Звонила та женщина со старой

банкеткой. Ты знаешь, та, что в восторге от реставрации.

— Да, я сам в восторге.

— Ей всё понравилось. Очень. Она дала твой номер своей подруге. И ещё... сказала, что у неё есть внучка. Ну, вдруг тебе будет интересно.

Я выдыхаю через нос. Коротко. Почти смеюсь.

— Нет, Керри.

— Совсем не интересно? — дразнит она, но аккуратно, без давления.

— Я не сплю с потенциальными клиентами, — отвечаю я. Ровно. Без пафоса.

На секунду в трубке тишина. Потом она смеётся — легко, по-настоящему.

— Ладно, босс. Тогда я просто запишу это как *деловой контакт*.

— Так будет честнее.

— Хорошо. Удачного дня, Рафаэль.

— Тебе тоже, Керри.

Звонок обрывается. Машина снова наполняется тишиной.

Я думаю о том, как легко люди пытаются пристроить тебя в чью-то жизнь. Как будто одиночество — это недоработка. Ошибка системы.

А для меня это выбор.

Я не боюсь женщин. Не избегаю близости. Я просто не пускаю в своё пространство тех, кто приходит по рекомендации.

С братом — другая история.

Феликс чувствует, когда я отдаляюсь. Его это бесит. Он привык держать всё под контролем. Даже то, что нельзя контролировать.

Особенно меня.

Я прибавляю скорость. Впереди работа. Дерево. Вещи, которые не лезут в душу без разрешения.

И это именно то, что мне сейчас нужно.

Я нажимаю на вызов сам.

Феликс берёт трубку после первого гудка. Как всегда.

— Да. Ты живой?

Без приветствий. Без вступлений. Сразу в суть.

— Да. Всё нормально.

Короткая пауза. Я знаю эту паузу. Он в ней слушает не слова — дыхание.

— Как твои ночи?

Я смотрю на дорогу. На своё отражение в стекле.

— Так же, как и твои.

Этого достаточно.

— Понял, — говорит он.

И в этом *понял* больше заботы, чем в сотне вопросов.

— Пообедаем?

— Да. Давай.

— У меня в офисе?

— Да.

— Я всё заказал. Жду.

Он кладёт трубку первым. Всегда.

Я опускаю телефон на сиденье и позволяю себе короткую паузу. Одну. Не больше.

Феликс — не про заботу, к которой привыкли нормальные люди.

Ему нет дела до остальных. Но до меня — всегда.

Он не самый внимательный человек. Но он всегда рядом, когда это действительно имеет значение.

Самый близкий. Самый родной. Единственный, кто не ушёл.

Он не чинит мои трещины. Не лезет в душу. Не задаёт лишних вопросов.

Он просто становится между мной и миром. Как стена. Грубая. Жёсткая. Иногда неправильная.

Но если всё начнёт гореть — он не будет думать. Он зайдёт первым.

Я нажимаю на газ сильнее, чуть резче, чем нужно. Офис Феликса в другой части города. Там всегда пахнет кофе, дорогими сигарами и властью. Там шумно. Там не моя среда.

Но это его территория. А значит — безопасно.

Мы разные. Слишком.

Он — буря. Я — тишина.

И, наверное, только поэтому мы всё ещё держимся.

Спустя сорок минут лондонских пробок я наконец заезжаю на подземную парковку. Бетон, камеры, охрана — всё на своих местах. Здесь всегда одинаково. Стабильно. Как у

Феликса в голове: порядок снаружи, хаос внутри.

Поднимаюсь на лифте. Двери открываются — и меня встречает звук.

Он орёт.

Опять новая секретарша. Молодая. Слишком аккуратная. Слишком испуганная. Кажется, её зовут Сэнди. Или это уже другая.

— Я тебе сказал, что эти договоры должны были быть отправлены ей вчера! — голос Феликса режет пространство. — Какого черта ты отправила их утром, Сэнди? Ты понимаешь, что я потерял кучу бабок?!

Она что-то лепечет. Извиняется. Объясняет. Неважно что — он всё равно не слышит.

Феликс всегда переходит на личности. Всегда.

Не потому что ему нравится унижать. А потому что злость у него — рабочий инструмент. Он ею двигает людей. Давит. Проверяет. Ломает слабые места.

Мне это всегда было чуждо.

Я останавливаюсь у двери, не вмешиваясь. Он замечает меня краем глаза почти сразу. И — как по щелчку — голос меняется.

— Всё, иди, — бросает он Сэнди. Уже спокойнее. Холодно.

Она вылетает из холла, почти сбивая меня с ног, бормочет что-то вроде *извините* и исчезает в коридоре.

Дверь закрывается.

Тишина.

Феликс проводит рукой по лицу, будто стирает с себя предыдущую версию.

— Ты вовремя, — говорит он уже мне. Ровно. Без давления.

— Вижу, у тебя утро задалось.

Уголок его рта дёргается. Почти улыбка.

— Она тупая.

— Они все тупые, пока не докажут обратное, — говорю я спокойно.

Он хмыкает. Подходит ближе, хлопает меня ладонью по плечу — сильно, по-братски.

— Садись. Ты голодный.

Он может орать на кого угодно. Может быть жестоким, резким, опасным. Но со мной — никогда. Со мной он всегда старший брат.

Со мной он не играет в власть. Не проверяет границы. Не повышает голос.

Я — не часть его империи. Я — его брат.

Единственный человек, с которым ему не нужно быть зверем.

Я сажусь, напротив. Запах еды смешивается с запахом кофе и дорогих сигар. Его мир снова пытается втянуть меня внутрь.

Но между нами — негласное соглашение. Он не лезет в мою тишину. Я не лезу в его тьму.

И пока это работает — мы оба живы.

Еду уже расставили. Феликс не любит хаос, когда дело касается себя. Всё тёплое. Всё вовремя. Всё так, как он заказал.

— Ешь, — говорит он, пододвигая ко мне тарелку. — Ты опять забыл про нормальную еду.

— Я помню, — отвечаю я. — Просто не всегда.

Он фыркает, наливает мне воду сам. Этот жест всегда выбивает меня из колеи. Человек, который может уничтожить чужой бизнес одним звонком, следит, чтобы я пил достаточно воды.

Контраст каждый раз смешит.

— Как работа? — спрашивает он, будто, между прочим.

— Нормально. Заказы идут.

— Нормально — это не ответ, — он смотрит поверх тарелки, прищурившись. — Ты знаешь, что ты сейчасходишь в десятку малых бизнесов Лондона?

Я пожимаю плечами.

— Знаю.

— И ты говоришь это так, будто речь о погоде.

— Потому что это просто цифры, Феликс.

Он усмехается. Резко режет стейк, будто мстит ему за что-то.

— Ты понимаешь, сколько людей мечтают оказаться там, где ты сейчас?

— Понимаю.

— Тогда почему ты не выглядишь счастливым?

Я жую медленно. Даю себе время.

— Потому что я не за этим туда шёл.

Он откладывает нож. Смотрит внимательно.

— Тогда зачем?

Я улыбаюсь — едва заметно.

— Это случайность. Круги. Эхо. Я просто делал то, что мне нравится. Работал. Аккуратно. Не спеша. Остальное само подтянулось.

— Ты серьёзно сейчас говоришь, что не целился?

— Абсолютно.

Феликс качает головой, смеётся коротко, без злости.

— Ты невозможный.

— Говорит человек, который строит империи.

— Я строю контроль над ситуацией, — поправляет он. —

Это разные вещи.

— Вот именно.

Он снова берёт вилку, но я вижу — ему приятно. Он гордится. Просто не умеет это показывать красиво.

— Я проверил твою контору, — говорит он между делом.

Я поднимаю бровь.

— Конечно проверил.

— Чисто. Скучно. До раздражения правильно. Ни одной дыры.

— Я же говорил.

— Да, — он усмехается. — Ты всегда был занудой.

Мы едим молча пару минут. Не напряжённо. Уютно, на-

сколько это возможно в его кабинете.

— Я рад за тебя, Раф, — говорит он вдруг. Тихо. Почти не глядя.

И вот это наше настоящее.

Этот момент.

— Спасибо, — отвечаю я.

Я действительно рад, что он есть. Такой, какой есть. Опасный. Резкий. Заботливый только со мной.

Иногда я думаю: если бы кто-то со стороны увидел нас сейчас, он бы не поверил. Что этот человек — тот самый Феликс. А я — его брат.

Но правда всегда тише, чем слухи.

И в этой тишине мне спокойно.

— Ладно, я пойду, — говорю я, отодвигая стул. — Спасибо за обед.

Феликс смотрит на меня пару секунд дольше обычного. Потом тоже встаёт. Без слов подходит ближе — и делает то, что не делает ни с кем.

Обнимает.

Коротко. Крепко. По-настоящему.

Его ладонь ложится мне на затылок — тяжёлая, тёплая. Он чуть сжимает пальцы, почти незаметно, как делал раньше. Всегда делал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.